

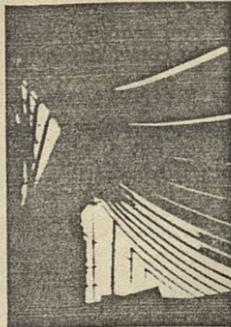
1993 №5

Маяковский В.В.

«НЕ ЮБИЛЕЙТЕ»
«НЕ ЮБИЛЕЙТЕ»
«НЕ ЮБИЛЕЙТЕ»
«НЕ ЮБИЛЕЙТЕ»
«НЕ ЮБИЛЕЙТЕ»
«НЕ ЮБИЛЕЙТЕ»

12-Досье. - 1993. - №5. - с.2

А

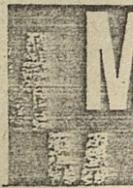

Уважаемые
товарищи потомки!

Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем Г....,
наших дней изучая потемки,
Вы,
возможно,
спросите и обо мне.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В сто тысяч демонов

МОЩЬ творческой личности не поддается количественным оценкам. Как ее измерить, в каких единицах, какими критериями? Мощь дарования измеряется где-то там, наверху или внизу, в гениях или, скорее, в демонах.

Без всякого придыхания, как об автомобиле. Только о машине — столько-то лошадиных сил, а о поэте — столько-то демонов.

Он был нашим окном в Европу и символом творческой свободы, нашим Пушкиным и Чаплином, нашим авангардом и бунтом, нашим Сальвадором Дали и Джеймсом Джойсом, нашим Высоцким и Малевичем, нашим Корбюзье и Гайд-парком. Под «нашим» разумею поколение тех, кто сел за парту в середине тридцатых, когда многие сели за решетку — в лучшем случае.

Он был ироничен насквозь — даже в своем пафосе, потому что знал больше, чем говорил, предполагал больше, чем знал, чувствовал сильнее, чем Евангелие.

Его ирония — это кризис эпох. Или, так будет вернее, антиевангелие, населенное не апостолами и святыми, а фарисеями, чернью, нечистой силой. Сегодня оно обретает парадоксальную свежесть и силу — ведь он всегда и всюду воплощал *perpetuum mobile* мировой литературы: ум против быдла.

За свои заблуждения Маяковский заплатил жизнью. В отличие от тех, кто его критикует за конформизм. Им-то с заблуждениями расставаться проще простого: вчера твердили одно, нынче провозглашают обратное. И весь сказ. Так на новой сцене разыгрывается *perpetuum mobile* пушкинского «Моцарта и Сальери». С Маяковским в роли Моцарта и армией ниспровергателей, именитых и безымянных, в роли Сальери. И *perpetuum mobile* несостоявшейся казни.

Изять у Маяковского на страницах монографии толику лавров — это можно. Но отнять его у народа, относящегося к словам и формулам поэта как к органической части национального сознания, — не выйдет, господа-товарищи!

А. ВУЛИС

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

ТАК, мы отмечаем 100-летие со дня рождения Владимира Маяковского.

«Нет, весь я не умру...» Эти пушкинские слова и о нем. Время и над ним не властно. Поочередно — то чтимый, то хулимый, распятый и воскресший, Маяковский по-прежнему с нами, он — наш современник. И как со всяким современником, с ним можно соглашаться и не соглашаться, спорить, полемизировать.

Его жизнь, его любовь, его смерть таят в себе немало вопросов и загадок. А что до разгадок, то их следует искать в творчестве поэта, в той единственной новости, которая, по слову Б.Пастернака, всегда нова, — в таланте, в таланте одного из самых крупных русских поэтов XX века.

Анна АХМАТОВА

Маяковский в 1913 году

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня впраде
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, — разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпением торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневно,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.
1940 г.

Редакция «ЛГ-Досье» приносит искреннюю благодарность за помощь в подготовке номера: Ст. Лесневскому, М. Фейнбергу, М. Радзишевской, В. Тейдеру и Ст. Рассадину.

ЗВУКОВЫЕ МЕМУАРЫ

Среди открытых в последние годы архивных первоисточников мемуарный фонд звукозаписей В. Д. Дувакина занимает особое место. В 70-е годы он начал систематически собирать свидетельства очевидцев жизни и творчества поэта, записывать их воспоминания на магнитофонную ленту. Это была самоотверженная исследовательская работа по восстановлению, если можно так сказать, историко-культурной экологии.

ШКЛОВСКИЙ Виктор Борисович, (1893—1984)

Что же такое дом Бриков? Это был буржуазный дом, т. е. Маяковский пришел в дом мецената, в котором бывали поэты. Там бывал много Михаил Кузмин, который тоже написал стихи Лиле. Но Михаил Кузмин серьезно относился к большевикам и очень любил Маяковского.

Что такое Ося? Ося — человек умный. Несмотря на то, что он сын знатного миллионера, он был искренне заинтересован в революции. Он не путался. Лилия принадлежит Маяковскому по праву победителя. Она перешла в другой, так сказать, стан. Для нее это были другие люди.

Я бывал у Оськи, потому что Оська издал журнал «Взгляд» (один номер), издал «Облако». А Лилия «Облако» переплела в парчу. И Ося говорил: «Вот как женщины не понимают стиль. Это же не парча». И у них была такая маленькая витринка из простого неструганого дерева, в которой стояли книжки футуристов. Это был дом футуристов. Там и Хлебников бывал, Василий Каменский. Причем, Василий Каменский в тот момент был левее Маяковского, т. е. он был

против войны. Он был яркий пораженец и говорил Володе: «Не надо было писать «Грамами ядер на мрамор Рима» и т. д. Это в Новый год было. Праздновали Новый год, 1916-й.

У Лили было платье, сделанное из шелковой шали, сильно открытые красивые плечи. У Каменского был нарисован на щеке какой-то там жук, и была одна бровь. И я был как-то костюмирован.

У Бриков висел огромный кусок ватмана, на котором все писали стихи или рисовали. Это был салон. Для футуристов это было место, где можно было пить чай. Это было такое пристанище. Я спал там. Время было трудное. Для Маяковского это был дом, где ему рады. Его любил Брик и ценил, а Лилия считала одним из людей, которые за ней ухаживали.

...Я не знаю, почему он умер. Я не знаю. Он очень устал. Ему нужно было умереть, но он не мог бы умереть победителем. Он не решился бы умереть в упадке. Он был не согласен.

В. Дувакин. С чем не согласен? С ходом истории? Уже? В. Шкловский. Да. А ему надо было умереть героем. И я считала, что решила его судьбу поэма «Во весь голос». Он написал «Во весь голос», показавши сохраненного человека. Вдохновенного человека. И умер, оставив место своей гибели фонарями и давши ложный адрес гибели — любовный.

В целом он был разочарован в жизни. У меня впечатление, что у него было какое-то ощущение обреченности. Безысходности, и срочной безысходности.

Вот такая история: чувство обреченности.

С другой стороны, — «товарищ правительство» — значит, он считает себя связанным, он стоит на коммунистических позициях, и как-то считает их одновременно виноватыми, потому что у него есть претензия... Письмо написано 12-го. Письмо очень мужественное. Он уходит с

поста, он не считает себя виноватым, он отбывает... Дальше, оно написано так, чтобы отвести политические подзвучения: «Любовная лодка разбилась о быт». Он дает след, любовный след, понимаете.

В. Дувакин. Значит, вы считаете, что инфракрасная часть спектра — общественная, безусловно, присутствует? В. Шкловский. Безусловно. Это мое убеждение.

В. Дувакин. Он не перестал быть коммунистом?

В. Шкловский. Нет. Он умер непоколебимым коммунистом.

В. Дувакин. Он умер коммунистом. Но он вместе с тем и понимал, что тем коммунистом, каким он считает, что должен быть, он не может быть. Он сказал: «Я, если партия прикажет, буду писать яблом». Но вообще он понимал: если он будет делать все, что ему прикажет партия, то он перестанет быть самим собой. Так?

В. Шкловский. Да, конечно.

В. Дувакин. Удивительно. Исторический момент точно выбран.

В. Шкловский. Да. Очень точно. Причем, он увидел по РАППу, к чему идет дело. Но РАПП — это детская болезнь, которая, видно же — «чего изволите? Прикажете воспеть экзекуцию...»

В. Дувакин. Вы не пересмотрели своего отношения к Маяковскому? Вы до сих пор считаете его...

В. Шкловский. ...великим поэтом.

14 июля 1967

Полностью с записями В. Д. Дувакина можно ознакомиться в отделе фотодокументации Научной библиотеки МГУ.